

ИСКУШЕНИЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ ЗАМЕТКИ О ПРИРОДЕ МАССОВЫХ ДВИЖЕНИЙ

Михаил Аронович Блюменкранц

Главный редактор альманаха «Вторая Навигация», Мюнхен.

E-mail: blumenkrantz@gmx.de

TEMPTATION OF REVOLUTION NOTES ON THE NATURE OF MASS MOVEMENTS

Mikhail A. Blumenkrantz

Almanac “Second Navigation”, Chief Editor, Munich.

E-mail: blumenkrantz@gmx.de

Автор статьи основывается на работах таких исследователей природы массовых движений, как Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Г. Лебон, З. Фрейд, Э. Фромм, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Хоффер, С. Московичи, С. Сигеле, Э. Канетти и других, и ищет свои подходы к оставшемуся не проясненным вопросу: какие трансформации происходят с сознанием индивида, какие механизмы мышления приводятся в действие, когда захваченность массовым движением заставляет индивидуальное «я» с энтузиазмом растворяться в коллективном «мы»?

Автор рассматривает вопрос о симуляции и подмене «личностного я» как переживании иллюзии обретения «сверх-Я». В статье проводится анализ такой трансформации сознания под влиянием коллективной суггестии. В качестве метода исследования используется юнговское учение об архетипах и гуссерлевский принцип интенциональности сознания. Выявляются экзистенциальные основания исследуемого феномена.

Великая Французская и русская революции привели к смене социокультурной парадигмы, включая моделирование нового типа личности, несущего миру новую систему ценностей. В статье рассматривается проблема отличия революций, приведших к смене религиозного мировоззрения, от революций Нового времени, принесших идеологические перемены. Ключевыми здесь становятся принцип трансцендирования и его симулякры. Особое внимание уделено искушению коллективным «мы», присущему массовым движениям.

Author based on researcher's reflections on the nature of mass movements. Among them Nikolai Berdyaev, Semen Frank, Gustave Le Bon, Sigmund Freud, Erich Fromm, Serge Moscovici, Scipio Sighele, José Ortega y Gasset, Eric Hoffer, Elias Canetti and many others. But the question continues to be not fully clarified: what kind of transformations

occur with the consciousness of the individual, what mechanisms are activated, when the seizure by the mass movement causes the individual “I” to dissolve enthusiastically into the collective “we”? The author of this article considers the question of simulating and substituting the “personal self” as an experience of the illusion of finding “beyond self.” The article analyzes this transformation of consciousness under the influence of collective suggestion. As a method of investigation, the Jungian doctrine of archetypes and Husserl’s principle of intentionality of consciousness are used. Existential foundations of the phenomenon being investigated are revealed. Both French and Russian revolutions led to a change in the whole socio-cultural paradigm, including the modeling of a new type of personality, bringing a new system of values to the world. The article examines the problem of the difference between the revolutions that led to a change in the religious outlook, and the revolutions of the New Times, which brought ideological changes. The key principle is the principle of transcendence and its simulacra. Particular attention is paid to the temptation of the collective “We” inherent in mass movements.

Ключевые слова: революция, смена парадигмы, интенциональность сознания, сильное время, сильное пространство, самоидентификация, массовые движения.

Keywords: revolution, shift of paradigms, intentionality of consciousness, strong time, strong space, self-identification, mass movements.

Поводом к размышлениям, легшим в основу данной статьи, послужила не только и не столько столетняя годовщина Октябрьской революции. Скорее это недавние события на Украине, о которых можно спорить, были ли они революцией в привычном смысле слова, но которые продемонстрировали бурный революционный подъем, охвативший различные слои населения. Примечателен сам феномен внезапной трансформации обыденного, погруженного в повседневность сознания в пламенно революционное. Подобную метаморфозу я мог наблюдать у моих старинных друзей: многие ранее отличались полной аполитичностью и не проявляли ни малейшего интереса к событиям общественной жизни. Так что попытки теоретических выводов неизбежно будут иметь некоторый привкус экзистенциального опыта.

Большинство революций или революционных переворотов, известных еще со времен Древнего Египта, происходили как изменения внутри определенной социокультурной парадигмы. Либо они являлись сменой властных элит — «кто был ничем, тот станет всем», — либо смена власти приводила к известной корректировке всей системы государственного управления.

Гораздо реже случались революции, разрушающие прежнюю социокультурную парадигму и провозглашающие новую шкалу ценностей, свидетельствующую о победе нового мировоззрения. Одной из таких революций явилась Великая Французская. Пожалуй, это была первая европейская революция, в которой

идеология получила характер новой религии. Потому-то она существенным образом повлияла на весь ход европейского развития и закрепила новую ценностную ориентацию для последующих поколений.

Революция эта, в отличие от многих предшествующих, претендовала не только на изменение окружающей действительности, но и на то, чтобы пересоздать самого человека. По сути это была заявка на пересотворение мира. Эстафету французов позднее подхватили русские большевики. Дух богоборчества и титанизма, охвативший революционные массы, создал мощнейшее энергетическое поле, постоянно подпитывающее сознание людей неиссякаемым энтузиазмом и непримиримой ненавистью к врагам. Если неудачное восстание ангелов оканчивается адом только для них, то удачное восстание людей обычно оборачивается адом для всех. Революции возникают как внезапная аритмия исторического движения. Однако сама эта аритмия — органичный момент такого движения.

Какая же стихия подхватывает людей, ненадолго сплачивая их в охваченные единым порывом массы? Сами участники движений в ответ на подобный вопрос скорее всего назовут вполне конкретные требования и вполне рациональные причины, которые вывели их на улицы. И не слукавят. Но трудно отделаться от впечатления, что за вполне разумными и часто благородными побуждениями скрывается нечто глубинное, иррациональное, непроясненное для сознания людей, захваченных накалом революционных страстей. Что-то, что коренится в древних пластах нашего бессознательного, в архетипах, присущих еще нашим далеким предкам.

В книге Эриха Хоффера «Истинноверующий» (опубликованной впервые в 1951 г.) дан пронзительный взгляд на человеческое общество со стороны. Хоффер отмечал, что массовые движения имманентно содержат в себе все формы возможной реализации. Возникнув как социальные, они могут перейти в националистические или религиозные. Подобные превращения способны происходить в любой последовательности, поскольку суть массовых движений заключается в них самих, а формы, в которых они происходят, оказываются лишь ответом на вызовы времени. Внешний фактор становится только спусковым крючком, приводящим в действие некие природные механизмы (Хоффер, 2001: 33).

Одной из важных тенденций исторического развития человечества, с особенной силой проявившейся в европейской традиции, представляется постепенно происходивший переход от осознания человеком себя как частицы коллективного «мы» к суверенному и автономному «я». Таков долгий путь от племенной культуры через эпохи Возрождения и Просвещения к современной постиндустриальной цивилизации. Однако, по замечанию Г. С. Померанца, вероятно, основанному на работах К. Леви-Стросса, результат нашего развития — не только сумма наших ценных приобретений, но и горечь от невозполнимых утрат. Одной из таких утрат стала потеря человеческой общности, а вместе с ней и универсальных смыслов

существования (Померанц, 1995: 205–228). Ощущение утраты породило то чувство «заброшенности человека в бытии», о котором писал Мартин Хайдеггер. У человека возникает невольное искушение бежать из холода своего космического одиночества, своей вселенской заброшенности, в «теплоту кагала». У человека, захваченного массовым движением, появляется чувство цельности и высокого надличностного смысла собственного существования. Его уязвимое, одолеваемое сомнениями «я» сливается в едином дыхании с мощным «мы», убежденным в святой правоте своего дела. Теперь он уже не одинок и не беспомощен. Он составляет одно неделимое целое с племенем, нацией, партией или классом. Мир оказывается предельно прост. В своей основе он делится на своих и чужих, на черное и белое¹.

Свобода личного выбора перестает быть проблемой. Ведь ответ добра лежит на ней. Оптика изменилась, и хотя горизонт в результате оказывается сильно сужен, зато вещи и события приобретают бóльшую контрастность. Полутона исчезают, зато рельефнее выступают контуры. Подобно электрическому свету, собранному в пучок прожектором, цепко выхватывающим скрытые в темноте предметы, революционное сознание предельно концентрируется на необходимом ему. Все остальное, включая и собственное «я», теряет всякую значимость. Сузившееся сознание обеспечивает постоянный напор волевого императива. Так происходит идеологизация мышления.

Расхожая революционная максима гласит: «нравственно все то, что хорошо для революции». На смену христианской морали приходит революционная: убей, укради, прелюбодействуй — но только делай все это во благо революции. Легкий флер легенды — и вот уже ореол святости. И эффективный менеджер заплечных дел, ударившись оземь, оборачивается не серым волком, а национальным героем.

Тех, кто не являются единоверцами, революционное сознание выносит за рамки этики: они вне ее, ведь «кто не с нами — тот против нас», поэтому все, кто против, — закоренелые грешники уже в силу самой непринадлежности к новейшей «истинной церкви». Впрочем, если в ходе борьбы происходит озверение масс, то уже совершенно неважно, под каким знаменем и во имя торжества каких идеалов они выступали. Ведь убитый дракон вновь оживает в победившем змееборце. Такова этика идеологизированного сознания вне зависимости от того, какую форму оно обретает: религиозную, большевистскую или националистическую.

Для того чтобы попытаться понять механизмы работы идеологизированного сознания, стоит обратиться к идеям, высказанным Эдмундом Гуссерлем. Рассматривая феномен человеческого сознания, Гуссерль задается вопросом: что представляют собой структуры сознания, эксплуатирующие значения как идеальные единства?

¹ Впрочем, тема революционной морали глубоко и разносторонне исследовалась в работах русских философов Серебряного века — С. Л. Франка, Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского, Г. П. Федотова, Ф. А. Степуна, — не говоря уже о великих романах Ф. М. Достоевского. В текстах этих авторов прослежена тонкая диалектика соотношения добра и свободы, их неизбежный антагонизм, характерный для этической стороны революционных движений.

В ходе исследования философ приходит к понятию интенциональности, т.е. первичной смыслообразующей устремленности сознания к миру, подразумевающей как смыслообразующее отношение сознания к предметам, так и предметную интерпретацию ощущений. При этом речь идет уже не о самих предметах, а об их эйдосах.

Идеология умело имплантирует в сознание собственный проект преобразования предметов в эйдосы, в результате которого формируется матрица заданных интенциональных форм, фильтрующих сознание и фокусирующих его в своей смысловой оптике восприятия окружающей действительности, определяющей горизонт сознания. А поскольку структура переживания не зависит от того, реален или нереален предмет, ставший целью объективирующего акта, то скорректированное сознание, тщательно настроенное по идеологическому камертону, конструирует картину мира и ценностные ориентиры в нем, уже запрограммированные изначально самой идеологией, вне зависимости от того, до какой степени эта картина совпадает или не совпадает с объективной реальностью.

Каким же образом идеи, вернее, не идеи, а идеологии «выходят на улицу и овладевают массами»?

Алексис де Токвиль, анализируя причины Французской революции, утверждал, что не ухудшение экономических и социальных условий жизни народа привело к восстанию. Наоборот, по его мнению, эти условия при Людовике XVI даже улучшились (Токвиль, 2008). По логике революций они происходят не тогда, когда «низы не хотят», а «верхи не могут», не тогда, когда тотальная нищета и власти *не дали*, а тогда, когда возникает убежденность, что они *не добавили*. Именно тогда в массах пробуждается чувство обиды и попранной справедливости. Будучи могучими стимулами к переустройству мира, эти чувства сплачивают восставших общей ненавистью к врагам и любовью к единомышленникам. И хотя ненависть и любовь часто сопутствуют друг другу, однако любовь к ближнему, рожденная из ненависти к дальнему, хоть и греет душу, но адским пламенем. Может быть, по этой причине постреволюционная ситуация обычно напоминает больного, которому выдавили гнойник, спровоцировав общее заражение крови.

Один из моих знакомых, принимавших активное участие в Майдане, признавался, что в то время его жизнь приобрела удивительную полноту и интенсивность. Более высокий градус эмоционального переживания действительности разрушал рутинность привычного существования. Подобное интенсивное переживание жизни антропологи отмечали в культуре «племен вечной зари». Люди архаической культуры в силу присущего им восприятия мира жили в *сильном времени* и в *сильном пространстве*. Это время, несущее сакральные смыслы, и пространство, наделенное магическими свойствами. И коллективное «мы» племени органично соединяло каждого из членов с хорошо известной и в то же время совершенно неведомой реальностью.

Революционный подъем возвращает массам утерянную связь с трансцендентными основами мироздания. Но возвращает в действительности не саму связь, а ее симулякр. Симулякр возникает вследствие духовной подмены, когда относительные исторические ценности и цели движения абсолютизируются и временное получает статус вечного. Это процесс «религофикации» исторических событий хорошо известен еще со времен все той же Французской революции с ее попыткой провозглашения культа великих умов человечества и последующей мифологизацией своих героев.

Притягательность массовых движений состоит не только в возможности бегства индивида от собственной неприкаянности и тяжелой ноши свободного выбора в теплую утробу анонимного «мы», не только в стремлении к вечному возвращению в отчий дом утраченного детства, но и в спасительной иллюзии обретения потерянных универсальных смыслов, дарующих чувство укорененности в бытии.

В заключение рискну предположить, что массовые движения как таковые скорее всего появляются в эпоху смены племенной культуры ранними государственными образованиями. И, видимо, связаны с тем историческим процессом, который Макс Вебер определил как «расколдование мира», т.е. рационализацию отношений человека с действительностью (Вебер, 1994: 7–38). Не исключено, что среди прочих многочисленных факторов возникновения массовых движений находится и глубокая родовая травма перехода человека от мира племенной культуры, более органично связанного с природой, к созданию ноосферы, в частности, появлению города как нового проекта организации общества и его взаимодействия с окружающей средой.

Литература

- Вебер М. (1994). Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира / пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист.
- Померанц Г. С. (1995). Выход из транса // Теория субэкумен и проблемы своеобразия стыковых культур. М.: Юрист.
- Токвиль А. де. (2008). Старый порядок и революция / пер. с фр. Л. Н. Ефимова. СПб.: Алетейя.
- Хоффер Э. (2001). Истинноверующий: мысли о природе массовых движений / пер. с англ. Л. Л. Михайлова. М.: ЕГУ.

Reference

- Veber M. (1994). Teoriya stupenej i napravlenij religioznogo nepriyatiya mira/ per. s nem. M. I. Levinoj // Veber M. Izbrannoe. Obraz obshchestva. M.: YUrist.
- Pomeranc G. S. (1995). Vyhod iz transa // Teoriya subehkumen i problemy svoeobraziya stykovyh kul'tur. M.: YUrist.
- Tokvil' A. de. (2008). Staryj poryadok i revolyuciya / per. s fr. L. N. Efimova. SPb.: Aletejya.
- Hoffer EH. (2001). Istinnoveruyushchij: mysli o prirode massovyh dvizhenij / per. s angl. L. L. Mihajlova. M.: EGU.